

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Типы идентифицирующих и предикатных слов

Коммуникативный подход к значению предполагает, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении. Если, отвлекаясь от отношений, предворяющих высказывание, т. е. от номинации и экзистенции, считать, что в предложении регулярно реализуются две основные коммуникативные функции — идентификация предметов, о которых идет речь, и предикация, вводящая сообщаемое, то можно ожидать, что значение слов приспособляется к выполнению одного из этих двух заданий. Известно, что такая связь действительно существует: имена и местоимения специализируются на выполнении функции идентификации, а прилагательные и глаголы по типу своего значения (выражение абстрактного признака) обычно берут на себя роль сообщаемого.

Различаясь по своей первичной синтаксической функции, эти классы слов различны и по своим общим семантическим характеристикам.

Среди идентифицирующих слов (или терм), позволяющих адресату речи выбрать нужную вещь из поля его непосредственного или опосредованного восприятия, обычно выделяются следующие семантические разновидности¹.

1) Дейктические слова, своего рода «подвижные определители» (shifters), приложимые к любому

¹ О классах слов с точки зрения их семиологических функций см.: А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974.

референту². Содержание этих слов всецело обусловлено признаками денотата, выбор которого зависит от конкретного речевого акта.

2) Имена собственные, обладающие свойством уникальной референции. Их наполнение также обусловлено признаками денотата, выбор которого однако независим от условий коммуникации (если отвлечься от возможности существования нескольких носителей одного имени). Собственные имена, подобно дейктическим словам, семантически ущербны. Сами по себе они не передают какой-либо объективной информации³. «Употребляя собственное имя,— писал Дж. Милль,— мы позволяем слушателю идентифицировать индивидуума и связать его с той информацией, которой он располагал ранее»⁴. Собственное имя не характеризует объект, не сообщает о нем ничего истинного или ложного. Оно не переводится и не перифразируется. Его содержание определяется в логике как *individual*, или *particular*.

3) Имена нарицательные. Слова этого разряда обладают полной семантической структурой, складывающейся из некоторого понятия (коннотации, по Дж. Миллю, смысла, по Г. Фреге, сигнификата, десигната, концепта), образуемого общими признаками класса реальных, и конкретного, индивидуального содержания, создаваемого в речи свойствами денотата, или референта. Имена нарицательные приложимы к любому предмету,

² О дейксисе см.: *Е. М. Вольф*. Местоимения в иберо-романских языках (личные, притяжательные, указательные). Докт. дисс. М., 1974 (к диссертации приложена обширная библиография по теме).

³ Отсутствие социально-закрепленной информации у имен собственных подтверждается, в частности, тем, что ни один предикат, присоединяясь к ним, не образует аналитического суждения, т. е. суждения, истинного в силу значения входящих в него слов. Ср. *Павел молод (умен, красив, имеет семью, работает слесарем и т. п.)*. Все эти предложения информативны. Замена имени собственного тождественной по референции определенной дескрипцией может повести к возникновению аналитических предложений, например: *Этот отец семейства имеет семью*. Имя собственное так же не имеет значения, как и тот предмет, который оно заменяет. См.: *J. Searle*. The problem of proper names. «Semantics». Cambridge (Mass.), 1971. В этой статье систематизированы аргументы и контраргументы, приводимые в давней логической контроверзе о значении собственных имен.

⁴ *J. St. Mill*. Of names. «Theory of meaning». Prentice-Hall, 1970, стр. 55.

относительно которого истинно их значение. Последнее представляет собой стабильный элемент их семантической структуры, ее костяк, в то время как приобретаемое в речи денотативное содержание варьируется, дополняя понятийный «скелет» до индивидуальных и индивидуализируемых образов конкретных предметов.

Денотативное наполнение идентифицирующей дескрипции, т. е. ее переменное (речевое) содержание, соответствует тому представлению о референте, которое является постоянным спутником имени собственного.

Денотативные возможности имен нарицательных обеспечиваются тем, что их значение описывает некоторые свойства предметов. Идентифицирующие дескрипции, поэтому, легко преобразуются в предикаты классифицирующего типа. Применение дескрипций для отождествления предмета речи предполагает наличие у говорящих общей сферы идентифицирующих знаний⁵ и вместе с тем требует включения специальной системы актуализации, образуемой артиклями, указательными и притяжательными местоимениями, кванторами и т. п. Этот механизм способствует, в частности, обращению имени нарицательного в речевое имя собственное (*singular term*).

Здесь нелишне напомнить, что все идентифицирующие слова образуют знаки-субституты, замещающие в процессе коммуникации предмет (или класс предметов), о котором делается сообщение. Сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соотв. событию), а не слову, его называющему. Отнесенность к действительности, поэтому, и принято считать основным свойством предикации. Выражаемое предложением суждение есть суждение о действительности, фиксирующее результаты ее познания человеком. Идентифицирующие слова должны быть, следовательно, наилучшим образом приспособлены к тому, чтобы н а з ы в а т ь.

Идентифицирующие слова являются своего рода сигналом, вызывающим у собеседников субъективные представления. Денотативные значения уместно сравнить с изображениями одной и той же модели, выполненными разными художниками. Вагирование образа допустимо в тех пределах, в которых оно не создает препятствий к

---

⁵ P. F. Strawson. Identifying reference and truth values. «Semantics». Cambridge (Mass), 1971, стр. 86—89.

отождествлению изображения с натурой. Возможные различия в восприятии конкретных реалий несколько не мешают языковому общению: для «счастливого» исхода акта коммуникации нужно только, чтобы имя было правильно отнесено к референту. Эта цель в принципе достижима при помощи знаков, лишенных понятийного содержания.

Идентифицирующие дескрипции, в отличие от дейктических слов и имен собственных, приспособлены к обслуживанию более сложных видов референции — отнесению имени к классу денотатов, любому члену класса, каждому члену класса, некоторой части класса, определенной части класса, неизвестному члену класса, никакому члену класса и т. п.

Среди предикатных знаков, или семантических предикатов, выделяются; 1) слова, обладающие только понятийным содержанием, сигнификатом, и сами по себе не приспособленные к денотации (прилагательные и глаголы) и 2) слова, в принципе наделенные полной семантической структурой, т. е. способные получать как сигнификативное, так и денотативное содержание (существительные).

Для предикатов, несущих функцию сообщения, важна прежде всего способность обозначать, т. е. иметь социально закрепленное значение, обеспечивающее взаимопонимание участников коммуникации. Выступая в роли предиката, слово не получает денотативного наполнения. Оно имеет значение, но лишено референции, т. е. не служит знаковым заместителем предмета⁶. Предикатные слова относятся к категории знаков-понятий. Знаковая функция слова реализуется в этом случае только по отношению к сигнификату.

Таким образом, в языке могут быть выделены м о н о ф у н к ц и о н а л ь н ы е знаки, осуществляющие либо только идентифицирующую (имена собственные, дейктические слова), либо только предикатную функцию (нереферентные слова) и б и ф у н к ц и о н а л ь н ы е знаки, способные играть любую из этих ролей. Семантика этих последних приспособлена и к тому, чтобы называть, и к тому, чтобы обозначать.

⁶ «Понятие 'иметь значение' хотя бы частично отличается от понятия 'стоять вместо чего-либо'» (*G. Ryle. The theory of meaning. «Philosophy and ordinary language». Urbana, 1963, стр. 133, 145).*

Семантическая структура идентифицирующих и предикатных слов

Множество словесных знаков отличается функциональной подвижностью, т. е. допускает как референтное, так и нереферентное употребление. Именно этой особенностью слова объясняется его семантическая двойственность — наличие у него смысла и значения, сигнификативного и денотативного содержания, способности к коннотации и референции. Некоторые логики видели в этом своего рода ущербность устройства естественных языков. Так, П. Гич писал: «Если одно и то же выражение встречается в языке то как предикат, то как имя, это может повести лишь к недоразумению (is a misleading feature of our language). Имена и предикаты абсолютно различны»⁷ и несколько ниже: «Если имя и предикат обладают одинаковой внешней формой, это дефект языка»⁸.

Между тем семантическая двучастность слова чрезвычайно расширяет коммуникативные и выразительные возможности языка. Чтобы убедиться в этом, проделаем следующий эксперимент. Представим себе семиотическую систему с четким соотношением типа номинации и коммуникативной функции. В таком коде каждый денотат имел бы особое наименование — имя собственное (знаки типа А), а свойства предметов обозначались бы другой категорией знаков (знаки типа Б). В нем существовали бы только слова, обладающие неполной семантической структурой — либо денотативным значением, либо сигнификатом. Синтаксис воображаемого кода мог бы быть также элементарен: любому знаку типа А разрешено сочетаться с любым знаком типа Б. Перечисленные условия позволяют построить такие предложения как *Павел силен; Павел весел; Петр силен; Петр весел; Солнце высоко; Солнце низко; Луна высоко; Луна низко.*

Описанному языку неподвластна классификация предметов, так как в нем нет имени, относимого к любому члену того или другого разряда, т. е. обладающего референтной многозначностью. На нем, однако, может быть произведена классификация признаков, действий, состояний, событий и ситуаций. Поскольку для языка первичной и

⁷ P. Th. Geach. Reference and generality. Ithaca, N. Y., 1968, стр. 31.

⁸ Там же, стр. 34.

основной является функция сообщения (т. е. обозначение), а функция идентификации (т. е. название) — периферийной и вспомогательной (предмет речи в простейших условиях общения выводим из актуальной ситуации), то в основе пользования языком лежит выделение и обобщение признаков и свойств событий и предметов. Без классификации типичных и повторяющихся состояний и ситуаций (для первобытного мира это может быть ситуация нападения врага, обстановка, благоприятная для охоты, дефицит пищи, надвигающаяся непогода и пр.) невозможно сообщение на языке.

Сигнал тревоги может быть выработан только в результате классификации ситуаций на угрожающие и неугрожающие. Наличие знаков-понятий, следовательно, важнее для функционирования языка, чем присутствие в нем знаков-индексов. Поэтому более семантически простое имя собственное представляет собой факультативное образование, сравнительно с именем нарицательным.

Если бы в код описанного типа были введены знаки, приложимые более чем к одному референту, и в силу этого способные как к референции, так и к предикации, это повело бы к резкому расширению выразительных возможностей языка, стимулировав в то же время развитие его внутренней структуры. Включение в язык бифункциональных знаков имело бы своим следствием: 1) увеличение сферы приложимости языка, 2) развитие механизма актуализации знаков, 3) возможность построения классифицирующих предложений типа *Павел — человек*, 4) возможность выражать общие суждения типа *Человек смертен*.

Дж. Милль именно потому считал деление имен на собственные и нарицательные (единичные и общие) первым и наиболее фундаментальным, что наличие в языке слов, способных относиться ко многим предметам, позволяет выносить общие суждения, т. е. утверждать или отрицать предикат о бесконечном числе предметов одновременно⁹.

* * *

Хотя все однозначные слова — имена нарицательные, прилагательные, глаголы и наречия — обладают понятийным содержанием, структура этого последнего в силу своей функциональной обусловленности неодинакова.

⁹ *J. St. Mill. Указ. соч., стр. 18.*

Значение имен, для которых первичной является идентифицирующая функция, ориентировано на денотат и создается общими чертами класса денотатов. Оно вполне аналогично классификационным признакам, выделяемым в любой научной таксономии (например, в ботанике, зоологии, минералогии и т. п.) с тем лишь отличием, что языковая таксономия как бы поставлена на «бытовую» основу, интуитивна и подвержена стихийным изменениям. Не случайно, говоря о значении слова, Л. Блумфилд искал в нем признаки предмета (в его терминологии ситуации): недистинктивные, классификационно нерелевантные черты ситуации (например, величина, форма и окраска яблока) не входят в семантику слова, в то время как черты, общие для всех ситуаций, стимулирующих появление данного слова, т. е. для всех предметов, к которым оно приложимо, образуют его семантическое содержание¹⁰.

Эта мысль Блумфилда относится прежде всего к значению идентифицирующих имен, словарное определение которых дается по формуле: «слово X применяется для называния класса реалий, обладающих такими-то чертами» и состоит в перечислении классификационно релевантных признаков соответствующей категории предметов. Толкование таких слов напоминает словесный портрет с большим или меньшим количеством особых примет.

Однако подобно тому, как самое подробное объяснение типа «как идти» не всегда служит гарантией того, что вооруженный им путник не собьется с дороги, даже весьма детального словарного описания часто оказывается недостаточным для правильного понимания значения слова, т. е. для отнесения его к нужной категории предметов, особенно когда речь идет о чуждом, эмпирически незнакомом мире реалий, например, породах животных, виде растений, экзотических плодах и блюдах, видах жилища, одежде и т. п. Правильно соотносить заочно созданные представления о предметах с воочию увиденными и эмпирически познанными реалиями, т. е. сделать, основываясь на толковании слова, адекватный выбор соответствующего ему предмета, оказывается весьма затруднительным. Известно, что реальное изображение, созданное даже по очень подробному и обстоятельному словесному портрету, бывает мало похоже на фотографию или портрет, писанный

¹⁰ Л. Блумфилд. Язык. М., 1969, стр. 144.

с натуры. Поэтому, точно так же как путевое объяснение нередко подкрепляется планом местности, в справочниках и словарях энциклопедического типа словесный портрет иногда дополняется изображением типичного представителя данного класса.

По мнению некоторых авторов, слова этого типа, в особенности названия естественных объектов (*natural-kind words*) в известном смысле вообще лишены словарного определения. Последнее оказывается гораздо менее эффективным, чем соответствующая ему «картинка». Платон, определяя виды животных и растений, ограничивался формулой «Все, что принадлежит к одному виду с изображенным»¹¹.

Языковая классификация предметов опирается на целый комплекс признаков. Этим обеспечивается успех идентифицирующей функции, нуждающейся в нескольких точках опоры.

Компоненты значения идентифицирующего слова гетерогенны: они могут характеризовать класс предметов с разных сторон, фиксируя его различные физические и функциональные аспекты. Так, разные семантические черты, отраженные в значении слова «песок», дают возможность образовывать с ним целую серию сравнительных конструкций: *зыбкий как песок, желтый как песок, сыпучий как песок, рассыпчатый как песок, мелкий как песок, мягкий как песок*.

Семантическая комплексность и гетерогенность мешают идентифицирующим словам вступать между собой в антонимические отношения, способствующие системной организации лексики.

О синонимии среди идентифицирующих слов можно говорить либо в том смысле, в каком говорят о разных именах одного референта (ср. *Картезиус — Декарт, Эверест — Чомолунгма* и *лингвистика — языкознание — языковедение, меню — карта, почтовая карточка — открытка*, либо в том смысле, в каком говорят о разных уровнях (по степени детализации) или системах классификации. В последнем случае синонимия формируется логическими отношениями включенности и пересечения. Ср. *трава — сорняк — лебеда, дом — строение — особняк — хата —*

¹¹ D. Wiggins. On sentence-sense, word-sense and difference of word-sense. Towards a philosophical theory of dictionaries. «Semantics». Cambridge (Mass.), 1971, стр. 25—26.

изба. Синонимия идентифицирующих слов создается, таким образом, их способностью называть один и тот же класс денотатов. О системе среди слов этого типа можно говорить преимущественно в таксономическом смысле.

По указанным выше причинам идентифицирующие номинации не вызывают к жизни абстрактных производных. Нельзя выразить одним словом 'свойство быть деревом (стулом, книгой, вазой, спичкой и пр.)'. Абстрактное существительное *свинство* соотносимо с метафорическим (предикатным) значением слова *свинья*, опирающимся на один семантический признак, а не с прямым номинативным значением этого слова, позволяющим опознать определенную породу домашних животных.

Идентифицирующие имена нарицательные стремятся к сохранению и уточнению своих возможностей референции. Их понятийное содержание, постепенно отдаляясь от внутренней формы слова (того признака предмета, который дал повод к его наименованию) создается общими свойствами обозначаемого класса предметов, достаточными для его отождествления (ср. значение таких слов, как *белок*, *желток*, *солянка*, *солонина*, *большак*, *синяк*, *белый гриб*, *побосиновик* и пр.).

Идентифицирующий знак не может иметь обширной зоны неопределенности (*vagueness*) своего применения¹². Хотя можно вообразить предмет в равной степени похожий на стул и на кресло, хотя весьма распространены саквояжи, представляющие собой своеобразную «помесь» портфеля с чемоданом и способные поставить говорящего в «номинативный тупик», большинство реалий весьма определенно разбито на поименованные категории, хотя сами наименования допускают социально и стилистически обусловленное варьирование.

В языке, впрочем, иногда наблюдается тенденция к расширению сферы приложимости слова, ведущая к его десемантизации, падению информативности. Идентифицирующий знак, обладающий полной семантической структурой, при этом постепенно превращается в дейктическое, прономинальное слово, лишенное понятийного содержания (ср. *штука*, *вещь*, *тип*, *дело*, *история*, *факт*, англ.

¹² О зоне неопределенности референции см.: *M. Black. Language and philosophy. Ithaca, N. Y., 1949, стр. 23—29; W. Quine. Word and object. N. Y., London, 1960, стр. 125—128.*

thing, body, франц. chose, исп. cosa)¹³. Расширение употребления слова обычно стимулирует возникновение новых номинаций с более богатым семантическим содержанием и, следовательно, более узкой областью референции.

Идентифицирующие слова могут вызывать у собеседников весьма субъективные, индивидуальные представления. Предложение *Моя сестра вернулась вчера из Киева* будет, однако, однозначно понято всеми адресатами, сколь ни велики окажутся различия существующего в их сознании образа референта слова *сестра*.

Тезис Л. Блумфилда о зависимости значения слова от глубины нашего познания действительности и необходимости при его определении черпать сведения из других наук¹⁴, явившийся одним из поводов выведения категории значения из круга лингвистических интересов дескриптивистов, может быть в какой-то мере отнесен только к идентифицирующим словам.

К числу особенностей, характеризующих содержание слов, для которых первичной является идентифицирующая функция, могут быть отнесены: 1) тесная связь с денотатом, 2) полипризнаковость, комплексность, синтетичность, 3) гетерогенность семантических компонентов, 4) достаточная четкость границ референции, 5) «нелюбовь» к образованию антонимических отношений, 6) «денотативный» характер синонимии, 7) отсутствие соотносительных абстрактных имен, 8) внемодалность, 9) объективность, социальность семантических норм употребления при субъективности, индивидуальности вызываемого представления.

¹³ О словах с «широкой понятийной основой» см.: А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 104—112; — О прономинализации существительных в разговорной речи см.: «Русская разговорная речь». М., 1973, стр. 451—453. — Л. А. Капанадзе (автор главы «Номинация») пишет в этой связи: «Захват полнозначных существительных в группу слов с неопределенно-указательным значением происходит значительно активнее в разговорной речи, чем в кодифицированном литературном языке. Эта группа постоянно обновляется в разговорной речи за счет индивидуальных употреблений, а также благодаря многочисленным экспрессивным модификациям одного и того же слова: не только *штука*, но и *штучка*, *штукенция*, *штуковина* и т. п.» (стр. 453).

¹⁴ Л. Блумфилд. Указ. соч., стр. 149.

Эти свойства значения идентифицирующих слов отличают их от слов, специализирующихся на выполнении предикатной функции, но в известной степени сближают с именами собственными, т. е. «идеальными» идентификаторами предмета.

Если Л. Блумфилд, размышляя над проблемами значения, имел в виду прежде всего существительные идентифицирующего типа, то известная мысль С. О. Карцевского о том, что обозначающее стремится выйти за рамки, поставленные обозначаемым и приобрести иные функции¹⁵, касается прежде всего предикатного употребления слова, в котором обнаруживается субъективный взгляд на вещи говорящего, и в меньшей степени идентифицирующих слов, употребление которых обычно следует жестким правилам. Если, говоря о зайце, его поименуют свиньей, адресат едва ли возьмет в толк, о ком идет речь, но если к зайцу будет отнесен предикат *свинья*, то собеседник постарается догадаться, что сообщение касается размера и толщины животного.

Употребление несоответствующей объекту идентифицирующей дескрипции пренебрегает нормы языка, несоответствие объекту значения предиката создает ложное высказывание. Если, глядя вслед убегающему зайцу, мы скажем *Свинья побежала в лес*, то естественная реакция на такое сообщение примет форму поправки: *Это же заяц, а не свинья* или *Это животное называется зайцем*; несогласие с сообщением *Этот заяц — настоящая свинья* выльется в возражение *Да нет же, он совсем не толстый, он просто пушистый*. Если адресат речи не уяснил себе значения предикатного слова, он может спросить *Что это значит? В каком смысле «свинья»?* *Что ты хочешь этим сказать?* Если собеседник не уловил денотативной направленности слова, он формулирует свой вопрос иначе, например, так: *О ком ты говоришь?* или *Кого ты имеешь в виду?* В первом случае вопрос нацелен на выяснение или уточнение значения слова, его сигнификата, во втором он относится непосредственно к референту.

Если идентифицирующие имена, как отмечалось, могут соответствовать разным представлениям о предмете в сознании собеседников, то предикатные слова, несмотря

¹⁵ С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX — XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, стр. 90.

на возможности их субъективного применения, напротив, апеллируют к одинаковым, социально закрепленным понятиям, соответствующим их сигнификату. В противном случае, т. е. если бы значение предиката получало у говорящих разную интерпретацию, между ними не могло бы быть достигнуто взаимное понимание.

Итак, идентифицирующие слова реализуют в предложении свою способность к денотации, вызывая индивидуализированные представления о конкретном предмете, в то время как предикаты реализуют в предложении свое сигнификативное содержание, создаваемое стандартизованными представлениями о свойствах предметов или событий.

Значение идентифицирующих слов, как уже отмечалось, склонно к обогащению признаками денотативного класса. Понятийное содержание предикатов, напротив, центробежно. Оно стремится к отрыву от денотата. Такие классические предикаты, как качественные прилагательные, обычно выражают признаки и свойства, выделяемые в самых различных разрядах реалий. Среди русских прилагательных, называющих цвет предмета, лишь немногие сохранили в своем значении «семантические presupпозиции», позволяющие относить их только к некоторым категориям реалий и тем самым налагающие ограничения на их сочетаемость. Ср. *коричневое платье*, но *каштановые волосы* и *карие глаза*, *бледное лицо*, но *светлые глаза*, *белые зубы*, но *седые волосы* (подробнее см. в главе «Закономерности формирования семантической структуры предложения»).

Тенденция к отрыву от денотата ведет к моносемизации слова, сохранению в его значении лишь одного семантического компонента. Потребности коммуникации диктуют все более тонкое дифференцирование значений предикатов, т. е. слов, несущих функцию сообщения. Формирование их значения обычно есть результат аналитической деятельности.

В этом можно легко убедиться, наблюдая за переходом предметных (идентифицирующих) номинаций в категорию предикатов (например, при образовании качественных прилагательных). Этот процесс обычно сопровождается выдвиганием в семантике слова одного признака. Так, некоторые качественные прилагательные, произведенные от существительных, имеют значение только цвета

(малина — малиновый, сирень — сиреневый, бирюза — бирюзовый, роза — розовый, вишня — вишневый), другие — только вкуса (соль — соленый).

Процесс моносемизации хорошо виден на примере метафорического употребления, при котором имя меняет не только значение, но и синтаксическую функцию: идентифицирующая роль заменяется предикативной, а многопризнаковое, комплексное значение — значением однопризнаковым. Ср. *Моя шляпа на вешалке; Заяц спрятался в лесной чаще и Этот человек — шляпа* (т. е. растяпа, разиня); *Твой приятель — заяц* (т. е. трус, труслив). Качественный признак, составляющий значение предиката, может не относиться к числу существенных компонентов значения идентифицирующего слова (свойство пугливости мало способствует узнаванию зайцев, их выделению среди прочих пород животных) или вообще в него не входить (шляпа, будучи предметом одежды, сама по себе не характеризуется свойством растяпистости).

Семантическая история предикатных слов, нередко беря свое начало в комплексном значении идентифицирующих номинаций, идет путем исключения части признаков, характеризующих класс денотатов. Развитие значения идентифицирующих слов, как уже отмечалось, движется «обратным ходом»: оно начинается с одного семантического компонента, к которому затем постепенно присоединяются другие классификационно релевантные черты.

Семантическое развитие предикатных слов, хотя и связано с расширением предметной сферы приложимости, достигаемым исключением семантических пресуппозиций, не ведет, однако, к прономинализации, а имеет своим пределом однопризнаковое значение. Процесс раздвижения области употребления идентифицирующих и предикатных слов, следовательно, различен по своему характеру.

Таким образом, если значение идентифицирующих слов тяготеет к энциклопедичности, то для предиката (в первую очередь качественного прилагательного) типична тенденция к семантической элементарности, неразложимости. И то, и другое свойство создает известные лексикографические трудности.

В первом случае лексикограф чувствует, что он не всегда в состоянии перечислить все классификационно зна-

чимые черты предмета и часто вынужден ограничиться апелляцией к имеющемуся у членов данной языковой общности опыту, эмпирическим знаниям о предмете, дав только «зацепку» для отнесения имени к уже известному классу реалий. Составитель словаря не пренебрегает при этом и «бытовыми» способами идентификации. В жизни мы нередко отождествляем предмет или лицо, обращая внимание на индивидуализирующие его черты. Например, *Петя, это который? — Это тот, что с бородой и в красном галстуке; — Снегирь — это какая птица? — Это такая маленькая, серая с красной грудкой*. Ср. это последнее описание с соответствующей статьей из «Словаря» под ред. Ушакова. «Снегирь — небольшая серая певчая птичка из отряда воробьиных с красной грудью у самцов»¹⁶. Различие между бытовым и словарным определением состоит лишь в том, что в словаре зарегистрирован признак, заимствованный из научной таксономии (из отряда воробьиных)¹⁷. Получается своего рода описательно-классификационная дефиниция.

Во втором случае лексикограф стоит перед необходимостью поисков наиболее адекватного эквивалента (предиката), рискуя при толковании близких по значению слов попасть в синонимическое кольцо. Ср.: *скорбь* — крайняя печаль, горесть; *горесть* — чувство печали (скорбь тем самым определена как сочетание «крайней печали» и «чувства печали»); *печаль* — скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство; *невеселый* — грустный, печальный, скучный; *грусть* — чувство

¹⁶ Анализ определений названий пород птиц в словаре С. И. Ожегова см. в статье: А. А. Медведев. Логическая структура и смысловая полнота толкования слов конкретной лексики. «Математическая лингвистика» (Киев), 1973, № 1.

¹⁷ О пределах детализации описаний конкретной лексики в толковых словарях см.: Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958 — Л. В. Щерба, по-видимому, не считал необходимым внесение в словарную статью признаков, соответствующих научной таксономии. Подчеркивая принципиальное различие между научным и бытовым (зафиксированным в литературном языке) определением естественных объектов, он писал: «Во всяком случае, нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» (стр. 68).

легкого, томного уныния, тоскливой печали; *печальный* — испытывающий печаль, скорбь.

Приведенные определения (они взяты из «Словаря» под ред. Ушакова) образуют почти замкнувшийся синонимический круг, выход из которого лексикограф ищет либо в создании сложных, «нюансирующих» прилагательных (ср. *скорбно-озабоченный*), либо в «нюансирующих» комбинациях синонимов (ср. *грустный, печальный, скучный*), либо в перифразах (ср. *легкое, томное уныние; скорбная печаль*). Поиск семантического оттенка обусловлен тем, что предикаты не делят «семантический спектр» на непересекающиеся участки: обычно предикат стремится вторгнуться в зону своих соседей. Так, *невеселый* сочетает в себе признаки «скучности» с элементами «печали»; *коварный* — это не только «хитрый», но и «злой».

Семантическое пространство постоянно перекраивается словами. Вбирая в себя элементы значения соседних единиц, предикатное слово не может, однако, аннексировать не граничащие с ним семантические участки. На этом основан принцип семантической гомогенности классических предикатов, отличающий их от идентифицирующих слов. Качественные прилагательные редко сочетают в своем значении признаки, относящиеся к разным аспектам предмета — материалу и цвету, температуре и форме, размеру и весу, вкусу и степени плотности и т. п. Известная разноплановость семантики некоторых предикатных слов может возникать только как результат совмещения субъективно-оценочных значений с указанием на объективные черты обозначаемого класса предметов (ср. *голубенький, малюсенький, приторный* и пр.).

Если значение идентифицирующих слов легче объяснить способом, который иногда называют «демонстрацией семантики», т. е. апелляцией к действительности, опыту или воображению адресата (ср. остенсивные определения), то предикатное слово скорее требует фразовой интерпретации, т. е. подтверждения вербальных толкований примерами употребления слова.

В отличие от идентифицирующих номинаций предикатные слова легко и естественно входят между собой в синонимические и антонимические отношения, а также составляют деривационную базу для создания абстрактных производных (примеры известны). Синонимия среди предик-

катных слов несколько иного свойства, нежели среди идентифицирующих номинаций. Именно о синонимах-предикатах утверждают, что они различаются между собой оттенками значения, т. е. небольшим сдвигом в семантике, обозначая как бы «то же, да не то». Ср. *грустный, печальный, унылый, безрадостный, нерадостный, тоскливый, горестный, невеселый*. Синонимия предикатов основывается на сигнификативном, а не денотативном содержании, на их значении, а не способности к референции¹⁸. Употребление разных предикатных слов в приложении к одному классу объектов (предметов или ситуаций) никакого отношения к синонимии не имеет, в то время как возможность регулярного употребления разных дескрипций для идентификации одного класса реалий может быть истолкована как синонимия.

Предикатные слова, таким образом, гораздо более склонны к созданию системных связей, чем слова идентифицирующего типа.

Существенно обратить внимание на то, что идентифицирующие номинации могут как угодно видоизменяться при передаче чужой речи, не нанося этим ущерба ее содержанию. Выбор всякий раз иных идентифицирующих признаков вполне естественен, так как отождествление предмета речи рассчитано на непосредственного собеседника (или собеседников). Изменение адресата может поставить автора речи перед необходимостью прибегнуть к другим опознавательным чертам, а следовательно, и к другой дескрипции, которая могла бы в новых условиях общения обеспечить отнесение слова к нужному референту. Ср. *Маша говорит Андрею: «Я повстречала в Крыму твоего друга» — Андрей говорит Наташе: «Маша сказала, что она повстречала в Крыму твоего зятя (приятеля, мужа, начальника, коллегу и т. п.)»*. Общее ограничение, налагаемое на выбор идентифицирующей дескрипции, состоит в том, что в ее значении не должен фигурировать признак, составляющий ассертивное содержание предиката. Ср. **Я встретила в Крыму с человеком, с которым встретила в Крыму*.

Содержание, вносимое в предложение идентифицирующими словами, обычно интерполируется в него говорящим

¹⁸ О различении этих двух типов синонимии см.: Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 30—34.

и не всегда должно быть поставлено в вину автору передаваемой речи. Замена предиката при пересказе чужих слов (если она сознательно не направлена на искажение смысла) возможна только в пределах близкой синонимии сигнификативного типа. Ср. *Маша сказала, что она виделась с Андреем в Крыму (повстречалась с Андреем в Крыму)*¹⁹.

Проведенное сопоставление говорит о принципиально разном характере эквивалентности (взаимозаменяемости без изменения истинностного значения предложения) среди идентифицирующих и предикатных слов: идентифицирующие слова в общем (нейтральном) случае эквивалентны при тождественности референтов, а предикатные слова взаимозаменяемы в случае совпадения или близости их сигнификатов.

Таким образом, значение классических предикатов обладает следующими свойствами: 1) тенденцией к отрыву от денотата, абстрактности, 2) стремлением к элементарности, моносемности, 3) гомогенностью «объективных» компонентов, 4) наличием субъективно-оценочных коннотаций, 5) антонимическими связями, 6) особым характером синонимии, базирующейся на близости сигнификатов, а не возможной идентичности референтов, 7) соотносительностью с абстрактными производными, 8) «объективностью», социальностью вызываемого представления при известной вольности, субъективности, индивидуальном варьировании употребления.

В наибольшей степени этими признаками наделены качественные прилагательные, составляющие своего рода семантический эталон предикатов²⁰, подобно тому как стандартом идентифицирующих слов можно считать имена собственные.

¹⁹ О соотношении номинаций в прямой и косвенной речи см.: *J. D. McCawley. Where do noun phrases come from? «Readings in English transformational grammar». Waltham (Mass.), 1970: K. Hasegawa. Transformations and semantic interpretation. «Linguistic Inquiry», 1972, v. III, N 2.* Мак-Коли предлагает, в целях адекватной семантической репрезентации предложения, разделить его на пропозициональную функцию и лексический материал, т. е. набор имен или именных фраз, обеспечивающих идентификацию соответствующих им предметов.

²⁰ Семантика глаголов, как показали многочисленные исследования последних лет, тесно связана со свойствами актантов, значения которых (в том числе и обстоятельственных слов) она нередко включает. Вследствие этого значения глаголов обычно неэлементарны.

Идентифицирующие слова отражают и классифицируют то, что «существует в мире». Они как бы замещают мир в сообщениях о нем. Предикатные слова выражают то, что мы «думаем о мире». Первые ориентированы на объективный мир, вторые — на познающего субъекта. Первые могут быть проиллюстрированы, вторые — нет. Объективность идентифицирующих слов и субъективность предикатов послужила причиной того, что логиков постоянно тревожит статус в языке нереферентных имен (типа *кентавр*, *Баба-Яга*) и суждений, имеющих эти слова в качестве своего субъекта (типа *Кентавр бьет копытами*), и меньше заботят предикаты, которые в силу своего значения ни при каких условиях не могут быть истинными применительно к предметам реального мира. Иначе говоря, логика больше занимает вопрос о бытии Януса и Шивы, чем о фантастичности предикатов *двуликий* и *многорукий*.

Семантическая специфика имен лица и имен предметов

Семантические характеристики, которые были даны в предшествующем разделе, относятся к уже определенным, сформировавшимся, приспособившимся к разным коммуникативным функциям классам слов (прежде всего, существительным и качественным прилагательным). Однако связь значения слова с привычной для него ролью в коммуникации, а следовательно, и семантическое своеобразие слов с разной «специальностью» прослеживается и среди членов одного лексико-грамматического класса, способного к выполнению обоих коммуникативных заданий. Таким классом, как известно, являются существительные (см. выше).

Хотя все существительные (имена нарицательные) могут в принципе быть и субъектом и предикатом суждения, для одних из них более естественна идентифицирующая, а для других предикатная роль. Наблюдения показывают, что распределение существительных между идентифицирующими и предикатными именами неодинаково в разных семантических разрядах. Оно прежде всего различно у имен лица и имен предмета.

Одно и то же лицо может получать в языке множество разнообразных номинаций. Так, например, герой пьесы Гоголя «Ревизор» отвечает многим дескрипциям — молодой человек, сын помещика, дворянин, чиновник, наглец, хвастун, картежник, мот, лгун, шарлатан, самозванец, фантазер, хозяин Осипа, жених Марии Антоновны и, возможно, автор «другого Юрия Милославского». В тексте комедии он обозначается как уполномоченная особа, ревизор, чиновник, молодой человек, именитый гость, важный гость, вельможа, генерал, и даже генералиссимус, столичная штучка, тонкая штучка, такая особа, важная персона, важная птица, сочинитель, государственный человек, высокий посетитель. Для Анны Андреевны — он образованный, светский, высшего тона человек и милашка; прекрасный, воспитанный человек самых благородных правил, для Осипа — барин, хотя и «елистратишка простой», для трактирщика — мошенник, плут, подлец и «широмыжник», для городничего — «дьявол» («Фу ты, канальство, с каким дьяволом породнились»), а после разоблачения — сосулька, тряпка, вертопрах, скверный мальчишка.

Большинство приведенных номинаций по существу своему, по своей основной функции в сообщении предикаты: они используются не столько для идентификации предмета речи (не для того, чтобы назвать), сколько для того, чтобы дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение (для того, чтобы обозначить или обозвать)²¹. Использование качественных и оценочных имен лица единственно с целью отождествления предмета сообщения в общем случае неуместно. А. Вержбицкая справедливо указывает, что обозначения лица типа *подлинный художник, отличный оратор, хороший пловец* непригодны для целей идентификации, т. е. не могут фигурировать в роли субъекта предложения. Автор

²¹ Обращает на себя внимание, что в русском языке отрицательная характеристика лица тяготеет к выражению существительными, в то время как одобрительность предпочтительно передается прилагательными. Ср. *Подлец он такой, вертлявый такой, лизун, лизоблюд, Голядкин он этакой!* [...] *Ну, вот он подлец, а я буду честный, и скажут, что вот этот Голядкин подлец, на него не смотрите и его с другими не мешайте, а этот вот честный, добродетельный, кроткий, незлобивый, весьма достойный по службе и к повышению чином достойный; вот оно как!* (Достоевский). Ср. также различие в коннотациях прилагательных *добрый, умный, простой, тихий* и существительных *добрях, умник, простака, тихоня*.

объясняет это тем, что основная часть их семантического содержания указывает не на объективные признаки лица (референта имени), а на отношение к нему говорящего. А. Вержбицкая приходит к следующему общему выводу: все субъективно-оценочные элементы (прагматические операторы, по У. Вейнрейху) связаны с предикатом («hang» on the predicate), а не с субъектом, что особенно очевидно на примере гипокористик (уменьшительно-ласкательных форм имен), столь характерных для славянских языков. Функционируя в сфере собственных имен, т. е. слов, специально служащих для идентификации референта, оценочная деривация лишает имя идентифицирующей функции, переводя на роль обращения²².

При необходимости уяснить собеседнику, о ком идет речь, говорящие прибегают к имени собственному²³ — *Иван Александрович Хлестаков*, пользуются дескрипциями, фиксирующими статус референта по отношению к автору или адресату речи (например, *барин* в речи Осипа, *важный гость* в репликах членов семьи городничего) или прибегают к функциональному обозначению — *ревизор*²⁴. Обычно именно эти три категории имен лица — имя собственное, имя реляционное (*шеф, мать, барин, начальник*) и имя функциональное, обозначающее жизненные «амплуа» (*водопроводчик, дворник, лифтер, монтер, редактор, милиционер, министр*) используются для идентификации «предмета сообщения». В этих же целях применяются обозначения, построенные на окказиональном опознавательном признаке, выводимом из конкретной ситуации и легко развертывающемся в относительное придаточное. Ср. *преступник* → тот, кто совершил преступление; *пришедший* → тот кто пришел; *потерпевший* → тот, кто понес ущерб; *больной* → тот, кто страдает каким-либо недугом или, точнее, тот, кто обращается за помощью к врачу, лежит в больнице или лечится в санатории; *укушенный* (в известном скетче) — тот, кого укусила собака.

²² A. Wierzbicka. Descriptions or quotations. «Sign, language, culture», t. I. The Hague — Paris, 1970, стр. 644.

²³ «Неоцененное прагматическое удобство собственных имен состоит в том, что они дают возможность говорить о ком-либо, заранее не договариваясь, какие именно свойства должны обеспечивать идентичность референта» (J. Searle. Указ. соч., стр. 140).

²⁴ Здесь можно оставить в стороне куртуазные нормы называния лиц разного социального статуса «в глаза» и «за глаза».

Таким образом, выбор обозначения лица в большой степени зависит от той функции, которая ему отведена в сообщении. Ср. *Иван Александрович Хлестаков (хозяин Осипа, гость городничего, приезжий, живущий под лестницей, ревизор) — наглец (лгун, шарлатан)*. В разряде названий лица на одном полюсе сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом — имена качественные, приспособленные к предикированию. Между ними расположены другие номинации, в том числе имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикатной роли в высказывании, а следовательно, обладающие как более обобщенным, так и более конкретным, ориентированным на денотат или класс денотатов, значением.

Среди имен предметов функциональная специализация не столь явственна. Предметы обычно называются одинаково — своим «родовым» именем. У них есть «фамилия», отображающая их «фамильное сходство», но нет имени-отчества. Различие в коммуникативной функции имени предмета отмечается актуализаторами — артиклем, указательными и притяжательными местоимениями. Имена собственные, как известно, присваиваются лишь членам немногих классов реалий — географическим понятиям, топографии населенных пунктов, общественным местам, учреждениям, небесным телам и т. п. «Чистые» предикаты (обычно они имеют эмоционально-оценочный характер) применимы также к немногим категориям предметов. Ср. *бурда, отрава, помой* (о невкусной еде), *забегаловка* (о плохом ресторане, столовой и пр.), *сарай* (о неудобной комнате), *конюшня, хлев, свинарник, стойло* (о грязном помещении), *барахло, дребедень, дрянь* (о плохой вещи), *хлам* (о старых и ненужных вещах), *рухлядь* (часто о старой, сломанной мебели), *дыра* (о захудалом населенном пункте), *машина* (о большом, часто нелепом предмете или сооружении) и т. п. Ср. *Он, господа, стоит в уголку, забившись в местечко хоть не теплее, но зато закрыешься отчасти огромным шкафом и старыми ширмами, между всяким дряггом, хламом и рухлядью* (Достоевский). В качестве предикатной номинации, обслуживающей имена событий и предметов (реже лиц), могут использоваться названия отвлеченного качества: *прелесть, пакость, мерзость, безвкусица, загляденье, объедение, одно удовольствие, наслаждение, мазня, пачкотня* и пр.

Все это вполне естественно: человек получает в языке множество разнообразных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому²⁵. Возможности номинации предметов ограниченнее: они обозначаются либо по своей функции в жизни человека, либо по какой-либо внешней черте, реже по тому, как они оцениваются говорящим.

Потребность индивидуализации человека постоянна и настоятельна. Лишь члены толпы или функционального коллектива иногда воспринимаются обезличенно — хористы, статисты, зеваки, легионеры, воины, кинозрители, покупатели, прохожие, пассажиры. Напротив, необходимость в выделении отдельного предмета крайне мала. Она практически сведена к нулю применительно к элементам «дискретной массы» — травинкам, песчинкам, кирпичам, любым крупинкам, кускам сахара, шпалам, кафельным плиткам, изюминкам, вишенкам, листочкам, еловым шишкам, доскам, волоскам, конвертам, снежинкам и т. п. Здесь важно однако подчеркнуть не столько социальные причины этого явления (они очевидны), сколько различие в семантической природе номинации разных категорий реалий: среди имен лица наблюдается достаточно определенная соотнесенность между коммуникативной функцией и способом номинации, среди названий предметов в общем случае такая связь ослаблена. Обозначения предметов менее коммуникативно заострены, менее связаны с речевым заданием.

Указанное общее различие ведет к тому, что семантические свойства имен нарицательных в классах названий лица и предмета оказываются тоже различными. Использование большинства имен предметов для называния (денотации), а не обозначения (сигнификации) семантически сближает их с именами собственными.

Приведенные ранее соображения о семантической элементарности предикатов и семантической комплексности идентифицирующих дескрипций остаются в силе и при-

²⁵ О разных возможностях обозначения одних и тех же лиц и явлений см.: Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 116—117.

нительно к нарицательным именам лица и предмета. Они, в частности, подтверждаются наблюдениями над развитием значения некоторых номинаций, опирающихся на метафору.

Образные характеристики лица типа *заяц*, *обезьяна*, *медведь*, *осел* и пр., подобно классическим предикатам, стремятся к моносемности. Перенесенные на человека, эти названия животных обычно сохраняют в своем значении только один качественно-оценочный признак: *заяц* — трусливый, *осел* — глупый или упрямый, *обезьяна* — склонный к подражанию, *медведь* — неуклюжий. Напротив, порожденные совершенно аналогичной метафорой названия предметов — *быки* (моста), *собачка* (огнестрельного оружия), *журавль* (колодца), *кукушка* (поезд), *кошка* (вид якоря, обувь с острыми шипами) и т. п. — быстро утрачивают свою образность и их понятийное содержание обогащается большим или меньшим количеством идущих от денотата признаков, необходимых для отождествления соответствующих предметов. Признаки одного класса реалий заменяются признаками другого класса.

Итак, по своему семантическому типу нарицательные названия конкретных предметов близки именам собственным. Те и другие, восходя нередко к метафоре, основанной на одном опознавательном признаке, вскоре предают забвению первоначальный образ, заменяя его «портретом» референта (ср. имена собственные — *Кошка*, *Кукушкин*) или класса референтов (ср. имена нарицательные — *кошка*, *кукушка*).

Синтаксическая специфика идентифицирующих и предикатных существительных

Рассмотрим теперь вопрос о том, как проявляют себя семантические различия между идентифицирующими и предикатными существительными — как названиями лица, так и названиями предмета — в их речевом поведении.

В предложениях с конкретным субъектом, выражающих единичное суждение, идентифицирующее существительное, выступая в своей первичной функции, не требует никаких специальных показателей. По-русски можно сказать о вполне конкретном (единичном) референте «Картина произвела на всех огромное впечатление»,

«Ребенок был резов, но мил». Использование предикатных существительных в целях конкретной референции, напротив, требует местоименных детерминантов, берущих на себя индексальную роль. Ср. *Этот мошенник обвел всех вокруг пальца; Этих прохвостов никогда не мучит совесть; Наш лентяй опять схватил двойку; Эту бурду нельзя есть; Эта свинья оставила после себя ужасную грязь.*

Исключение актуализаторов из предложений с предикатными именами при их конкретной референции либо вызывает ощущение утраты структурной «детали» (ср. [. . .] *лентяй схватил двойку*), либо побуждает к неправильному прочтению предложения (*Свинья оставила после себя ужасную грязь* будет воспринято скорее как сообщение о свинье, чем как сообщение о нечистоплотном человеке), либо, если глагол стоит в наст. вр. индикатива, заставляет понять их как общее суждение (*Прохвостов никогда не мучит совесть*).

Будучи вторичной для характеризующих существительных, идентифицирующая функция должна быть отмечена формальным показателем. Выступая в роли субъекта конкретного суждения, предикатное имя совмещает в себе как идентифицирующее, так и характеризующее значение. Оно выражает дополнительную, основанную на пресуппозиции, предикацию и одновременно указывает на референт. Оно может быть развернуто в отдельное предложение, логически предшествующее данному. Ср. *Эта женщина — настоящая свинья. Она оставила после себя ужасную грязь* → *Эта свинья оставила после себя ужасную грязь*. Если пресуппозиция сообщения, на которую опирается говорящий, неизвестна адресату речи, то референция идентифицирующей дескрипции может оказаться неясной или только предположительной. Ср. — *Ну, а что медведь наш сидит? — Кто это, Яков Петрович? — Ну, медведь-то, будто не знаете, кого медведем зовут?* (Достоевский) *«И за что я через этого подлеца в одну минуту всего лишиться должен?» — думал Прохорыч, очевидно, намекая на пропойца, всучившего ему свою находку* (Салтыков-Щедрин).

Употребление указательных и притяжательных местоимений при предикатных именах, выполняющих идентифицирующую функцию, вполне регулярное для русского языка явление.

Ср. *Слышишь, Солоха, куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться э т о м у в ы р о д к у п р о к л я т о м у, чтоб ему набезало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!* (Гоголь); *«Черти бы взяли,— подумал господин Голядкин.— Э т а л е н и в а я б е с т и я может, наконец, вывести человека из последних границ; где он шатается?»* (Достоевский); *Э т а б е с т и я ни за грош готова продать человека, а тем более барина,— подумал он про себя* (Достоевский); *М е д в е д ь н а ш тоже говорил, что будет все сан-фасон* (Достоевский); *В е д ь вот еще с э т и м б о л в а н о м работа!* (Достоевский); *Когда эти т у н и ц ы очнутся, тогда они, всегда ненавидящие культуру, заметят, что чего-то не хватает* (Блок. Дневники); *Что же я э т о м у с у к и н у сыну сделал?— сказал я запальчиво* (Булгаков).

Указательное местоимение особенно необходимо, если качественное имя лица выступает в роли повторной номинации или «прономинального эпитета»²⁷. Местоимение в этом случае приобретает анафорическую функцию. Ср. *Совесть пропала вдруг. . . почти мгновенно! Еще вчера э т а н а д о е д л и в а я п р и ж и в а л к а так и мелькала перед глазами* (Салтыков-Щедрин).

Функция субъекта общих суждений столь же естественна для характеризующих существительных, как и первичная для них функция предиката. Общее суждение образует своего рода «семантический перекресток» — пункт, в котором нейтрализуются или ослабляются смысловые различия между идентифицирующими и предикатными именами.

Образование предложений, выражающих общие суждения, есть в известном (чисто семантическом) плане либо результат отнесения идентифицирующего имени к классу денотатов (тип *Человек смертен*), либо следствие помещения предикатного слова в позицию субъекта без изменения его семантического объема (тип *Дуракам всегда везет*).

Семантические различия между идентифицирующими и предикатными именами обнаруживаются также в нормах их синтаксической сочетаемости.

²⁶ P. Postal. «Pronominal epithets» and similar items. «Foundations of language», 1972, v. 9, N 2.

Предикатные существительные любят соединяться с определениями, указывающими на степень признака, его градацию. Определяющее прилагательное в этом случае получает адвербиальную функцию и относится только к тому компоненту значения имени, который причастен к сообщаемому, т. е. к ассертивному признаку, а не семантическим пресуппозициям. Ср. *Он — круглый дурак* = он очень глуп; *он — абсолютный бездельник* = он абсолютно ничего не делает; *он совершеннейший простак* = он совершенно простодушен; *он — ужасный подлец* = он очень подл.

«Размерные» прилагательные в положении перед предикатным именем утрачивают свое «физическое» значение, становясь эквивалентами градуирующих наречий. Ср. *большой друг, большой мастер, тонкая бестия, тонкий знаток, большой невежа, величайший плут, крупный авантюрист, крупнейший специалист, мелкий мошенник* и пр. Ср. *Да и кошка, мол, тоже небольшая барыня* (Лесков); *Известная она была во всем городе большая на фортепьянах игрица* (Лесков). Отсутствие характеризующей функции у приведенных прилагательных подтверждается тем, что они не могут занять место предиката по отношению к определяемому ими существительному. Так, невозможно **Этот невежа большой*; **Наш бездельник абсолютный*²⁷. То, что при существительном-предикате большей частью появляются градуирующие определения, вполне естественно, поскольку в нем некоторый признак представлен как характеризующий лицо или предмет *par excellence*. Способы интенсификации значения существительных не единообразны. Ср. *круглый дурак, полный идиот, отъявленный негодяй, закоренелый игрок, заядлый спорщик, абсолютный невежа, ужасный нахал*. Наиболее универсальны усилители с эмоциональной окраской — *ужасный страшный, невероятный*²⁸. В отличие от предикатных существительных значение прилагательных может быть

²⁷ В логической терминологии такое употребление прилагательных называется синкатегорематическим и противопоставляется истинно атрибутивному (см.: *W. O. Quine*. Указ. соч., стр. 132 и след.)

²⁸ О способах выражения высокой степени чего-либо см. в ряде публикаций А. К. Жолковского и И. А. Мельчука (например: *А. К. Жолковский, И. А. Мельчук*. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», 1967, вып. 19). См. также: *И. И. Убин*. Выражение параметра Magn в русском языке. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 11. М., 1969.

градуировано по шкале с любым количеством делений выше и ниже «нуля», причем способы градуирования в своих основных формах стандартны ²⁹.

Интенсифицирующую функцию при предикатном имени могут выполнять не только прилагательные, но и наречия, хотя подобное употребление, являющееся нормой для романских языков, в русском встречается нечасто. Ср. *Но я — о ч е н ь скептик, тогда был м у ч и т е л ь н о скептик* (Блок, Письмо А. Белому); *С тобой грех мне лицемерить/Ты с л и ш к о м ангел для того* (Лермонтов).

Подобно классическим предикатам предикатные (признаковые) имена лица иногда получают темпоральные определения. Ср. *Я пишу с раздражением, обращая строки к к о г д а - т о другу* (А. Белый). В этом предложении *когда-то* относится только к ассертивному (качественному) компоненту значения слова, но не к референтным пресуппозициям (*к когда-то другу* = к тому, кто когда-то был моим другом).

Определение к качественным номинациям лица может не только модифицировать заключенный в их значении признак, но и характеризовать соответствующее имени действие или его результат. Ср. *Лгунише он был баснословный, хотя и не забавный* (Салтыков-Щедрин). Прилагательное *баснословный* выполняет по отношению к имени интенсифицирующую функцию, а определение *забавный* естественней связать с именем *ложь*, т. е. результатом действия по глаголу *лгать*.

Важно подчеркнуть, что во всех случаях определение при предикатном имени стремится установить связь с

²⁹ Д. Болингер, специально изучавший способность всех четырех классов слов к градуированию своего значения, выделил внутри каждого класса категорию *degree words* «градуированных слов». Болингер отметил, между прочим, что все предикатные существительные охотно участвуют в повторной номинации, употребляясь кореферентно с предшествующим идентифицирующим именем. Между двумя существительными возникают отношения имплицитной предикации. Ср. *Я позвал Д ж о н а, но э т о т и д и о т даже не откликнулся*. Сходные отношения устанавливаются между предикатными именами, характеризующими событие, и предшествующим предложением (пропозицией), например: *Хозяин спросил, из-за кого фирма потеряла клиента. Я ответил, что неповинен в э т о й г л у п о с т и*. Здесь, по выражению Д. Болингера, происходит «фигуральное расширение грамматики кореферентности» (D. Bolinger. *Intensification in English*. «Language sciences» (Bloomington), 1971, N 16, стр. 3 и след. См. также D. Bolinger. *Degree words*. Hague — Paris, 1973).

ассертивным признаком, выделенным в значении имени, а не быть отнесено к денотативному значению этого последнего. Ср. *жестокый мучитель, утомительный болтун, увлекательный рассказчик, резвый скакун, быстрый ходок, ловкий обманщик* и пр. Многие из приведенных прилагательных теряют свой смысл в сочетании с идентифицирующим именем, либо с качественной номинацией, семантически несогласуемой с ними. Ср. неясность значения таких сочетаний, как *увлекательный брат (водопроводчик, начальник, директор, друг и пр.), утомительный воробей* и пр., объясняющаяся тем, что в определяемом отсутствует семантический компонент, который можно было бы связать со значением прилагательного.

Отнесение прилагательного к референтному значению предикатного имени может иметь своей целью лишь определенный стилистический (часто юмористический) эффект. Ср. *Ах ты большой дурак* (шутливо о крупном и простодушном человеке); *А я-то, старый дурак, до седых волос дожил, а ума не нажил.*

Идентифицирующие номинации, в отличие от предикатных, охотно сочетаются с прилагательными, раскрывающими и уточняющими свойства денотата. Определение соотносено в этом случае с денотативным (референтным) значением существительного. Проблема ограничений, налагаемых на сочетаемость слов, практически не встает по отношению к идентифицирующим именам (если отвлечься от вопросов стиля и немногочисленных случаев семантических пресуппозиций). Идентифицирующие существительные могут сочетаться с любыми прилагательными, раскрывающими свойства референта. Ср. *огромный (пожелтевший, опавший, засыхающий, запыленный, зеленый, старый, развесистый и т. п.) клен.* Различие в функции определения по отношению к идентифицирующим и предикатным именам можно проиллюстрировать следующими сопоставлениями.

В сочетании *старый человек* прилагательное отнесено к референтному значению имени, а в сочетании *старый курильщик* оно указывает не на возраст, обозначаемого лица, а на «стаж» курения, т. е. связано с признаковым значением существительного. Ср. *Класс наш был буйный, среди нас были изрядные развратники, старые курильщики, великовозрастные ухаживатели, циники, борцы и атлеты* (Блок, Исповедь язычника). Ср. также:

— Вы для нас самая, самая старая учительница, Нина Семеновна! «Старой учительнице» едва за тридцать (В. Тендряков). Аналогично соотносятся значения прилагательного *порядочный* в сочетаниях *порядочный человек*, и *порядочный лихоимец* (*пройдоха, негодяй*). В первом случае оно характеризует свойства референта имени, во втором оно выполняет модифицирующую по отношению к значению существительного роль, т. е. связано с ассертивным компонентом его значения. Ср. *Ловец был малый не то, чтобы совсем бесстыжий, но теснить себя не любил и запускал лапу довольно свободно* [. . .]. *Словом сказать, был лихоимец порядочный* (Салтыков-Щедрин).

Изменение коммуникативной функции имени может повлечь за собой изменение значения определяющего его прилагательного: при предикате оно эквивалентно градуирующему или оценочному наречию, а при субъекте оно указывает на атрибут соответствующего ему денотата. Так, например, английское сочетание *beautiful dancer* получает разное прочтение в зависимости от того, в какой функции оно использовано в предложении. Предикатная функция побуждает отнести прилагательное *beautiful* к ассертивному компоненту значения имени. Ср. *She is a beautiful dancer* 'она превосходная (прекрасная) танцовщица'. Идентифицирующая функция связывает прилагательное с денотативным наполнением имени; т. е. прилагательное эксплицирует некоторый признак референта. Ср. *The beautiful dancer got out of the car* 'Прекрасная (красивая) танцовщица вышла из машины'³⁰. Такие выражения, как *прекрасная танцовщица* (*трактирищица, служанка* и пр.), вне контекста, выявляющего их синтаксическую функцию, двусмысленны.

Аналогичные различия прослеживаются и в сочетании *интеллектуальный карлик* (*intellectual dwarf*)³¹. При конкретной референции оно получает значение, противоположное «неинтеллектуальному карлику». Предикатное употребление, допуская подобное прочтение, соответствующее классифицирующему именованному предикату обычно ведет, однако, к метафорической интерпретации, слово-

³⁰ Пример Э. Вендлера (*Z. Vendler. Linguistics in philosophy. Ithaca. N. Y., 1967, стр. 177*).

³¹ Пример Куайна, приведенный им в другой связи (*W. O. Quine. Указ. соч., стр. 132*).

сочетания, при которой его значение противопоставляется значению «гигант мысли». В этом случае имя *карлик* сохраняет в своей семантике только ассертивный признак малости, а его определение (*интеллектуальный*) играет ограничительную роль: *интеллектуальный карлик* = слабый (незначительный, недоразвитый, малый) со стороны интеллекта.

В романских языках указанное различие обычно передается позицией прилагательного по отношению к определяемому имени: в препозиции прилагательное интегрируется с сигнификатом имени, модифицирует сигнификат, в постпозиции оно содержит квалификацию денотата имени. Ср. фр. *une vieille coquette* и *une coquette vieille*.

Итак, сочетаемость предикатного имени регулируется его сигнификативным содержанием, а сочетаемость идентифицирующего существительного — его денотативным наполнением. Большинство примеров несвободной сочетаемости имен падает на предикатные существительные. Прилагательное при идентифицирующей дескрипции дополняет, распространяет признаки, служащие ключом к отождествлению предмета. Атрибутивное словосочетание в этом случае часто представляет собою свернутую предикативную конструкцию. Прилагательное при предикате модифицирует ассертивное значение этого последнего. Если словосочетание идентифицирующего типа занимает место предиката, то коммуникативную релевантность обнаруживает только дополнительный признак, привносимый определением. Семантические черты, соответствующие определяемому имени, обычно дублируют значение, уже заключенное в субъекте. Ср. *Этот клен — развесистое дерево* = этот клен развесист; *Петя был добрым мальчиком* = Петя был добрым.

* * *

В заключение этого раздела следует сказать несколько слов об обращении.

Обращение в функциональном отношении двойственно³². Оно — с одной стороны — позволяет адресату иден-

³² D. Perrey. Les appellatifs (analyse lexicale et actes de parole). «Langages», 1970, N 17.

тифицировать себя как получателя речи. С другой стороны, в апеллативе часто выражается отношение к адресату говорящего. Функциональная двойственность ведет к тому, что в апеллативах сочетаются идентифицирующие компоненты значения с элементами субъективной оценки. Кажется бы субъективный слой в значении апеллативов сближает их с предикатными именами, которые также могут выражать субъективные, оценочные и модальные значения. Однако между апеллативами и предикатными именами существует, по-видимому, большая разница, чем между апеллативами и идентифицирующими номинациями. Это заметно, в частности, в том, что апеллативы, в отличие от предикатных имен, не сочетаются с интенсифицирующими прилагательными. Ср. следующие два употребления: *Да я вас уверяю, что он п е р в е й ш и й т р у с*, т. е. *Печорин, а не Грушницкий, Грушницкий молодец, и притом он мой и с т и н н ы й д р у г!* (Лермонтов) и *Я буду твоим секундантом, мой б е д н ы й д р у г* (Лермонтов). В первом предложении имена *трус* и *друг* выполняют предикатную функцию. Сопровождающие их прилагательные (соотв. *перейший* и *истинный*) служат усилению выражаемого ими признака. Во втором предложении предикатное имя *друг* переведено в позицию обращения. Определяющее его прилагательное выражает отношение говорящего к адресату речи. Оно может поэтому не быть семантически связано со значением определяемого. Такие стандартные атрибуты апеллативов, как *милый, дорогой, любезный, уважаемый*, выражающие отношение автора речи к адресату, сочетаются с именами любой семантики (*друг, брат, отец*) в том числе и с именами собственными, избегающими определений.

Таким образом, если для предикатных имен характерна сочетаемость с градуирующими прилагательными, модифицирующими сигнификат имени, а для идентифицирующих номинаций возможна сочетаемость с любым атрибутом, раскрывающим свойства денотата, то для апеллативов типична прежде всего сочетаемость с прилагательными субъективного отношения. Только в этом последнем случае определяемым может быть (и обычно бывает) имя собственное.